

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Исторический факультет

Центр по изучению военной истории

**ЧТЕНИЯ
ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ**

Сборник статей

Санкт-Петербург

2006

ББК 68

Ч-77

Редакционная коллегия:

канд. ист. наук доцент *Е. В. Ильин* (отв. редактор); д-р ист. наук проф. *А. Ю. Дворниченко*; д-р ист. наук проф. *В. Н. Барышников*; д-р ист. наук проф. *Ю. В. Кривошеев*; д-р ист. наук проф. *М. В. Ходяков*; д-р ист. наук проф. *В. А. Кутузов*

Рецензенты:

д-р ист. наук проф. С.-Петербургского университета кино и телевидения *О. А. Дмитриев*;

д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник С.-Петербургского института истории *А. П. Павлов*

Рекомендовано к печати

Ученым советом исторического факультета

Санкт-Петербургского государственного университета

ЧТЕНИЯ ПО ВОЕННОЙ ИСТОРИИ: Сборник статей.

Ч-77 — СПб., 2006. — 503 с.

ISBN 5-288-04205-5

Настоящий сборник научных статей включает в себя материалы второй международной конференции «Чтения по военной истории», проведенной в Санкт-Петербурге в апреле 2005 г.

Сборник предназначен для историков, занимающихся проблемами военной истории, студентов исторических, культурологических и военных специальностей высших учебных заведений и всех интересующихся проблемами отечественной и зарубежной военной истории.

ББК 68

ISBN 5-288-04205-5

© Авторы публикаций, 2006

© С.-Петербургский
государственный
университет, 2006

²⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 325 (1284 г.).

²⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 455.

³⁰ Там же. Стб. 526.

³¹ ПСРЛ. Т. 15. Стб. 37.

³² ПСРЛ. Т. 2. Стб. 557–558.

³³ Там же. Стб. 558.

³⁴ Там же. Стб. 631.

³⁵ Там же. Стб. 632.

³⁶ Там же. Стб. 253–254: «всесоша на коне . и пешьци из лоден выседавшє . идоша в поле . 4 . дни . . . наши же погнаша секуще я».

Леонид Дмитриевич Макаров

(Удмуртский государственный университет)

Формирование оборонительной системы Вятской земли (XII–XV вв.)

Проблемам военной истории Вятки уделяли внимание в той или иной степени практически все исследователи феодальной Вятки начиная со второй половины XVIII в. и до современности. В распоряжении историков были тексты русских летописей, местные исторические сочинения, агиографические и актовые источники, в какой-то мере — фольклорные материалы.

Археологические источники ограничивались упоминанием городищ, а первые их раскопки (П. В. Алабин, А. А. Спицын) мало что дали для освещения вопросов вятской военной истории. Поэтому и предлагаемые историками выводы основаны, прежде всего, на летописных данных, при этом трактовка последних грешит субъективностью. К примеру, всем известно, что русские летописи полны известий о походах вятчан в последней четверти XIV–XV вв. в Прикамье, Поволжье и Поморье. Эти акции обычно характеризовались как грабительские, а вятчане назывались ушкуйниками. Однако в источниках отсутствует какая-либо связь между этими понятиями. Более того, вятчане сами становились жертвами разбойников (1374 г.), а позднее участвовали в борьбе против ушкуйничества (поход 1379 г. в Арскую землю), значительная же часть их походов объяснялась союзническими обязательствами, заключаемыми то с Нижним Новгородом, то с Галичем, то с Устюгом, то с Москвой¹. Военная контрибуция при этом, разумеется, также взималась. Письменные источники, таким образом, раскрывают вопросы военного дела Вятской земли весьма предвзято и политически однобоко — с промосковских, антивятских позиций, что объясняется переработкой вятских источ-

ников московскими редакторами². Другое дело — местные источники, объективность сведений которых в последние годы получает все больше подтверждений. Среди них, бесспорно, на первом месте находится «Повесть о стране Вятской», текст которой приводит наиболее ранние известия о Вятке. Отношение к этому источнику со временем менялось: от полного к нему доверия в XVIII — середине XIX в. к не менее полному отрицанию в конце XIX — середине XX в., и, наконец, сначала к настороженному возврату доверия (вторая половина 1950-х — конец 1970-х годов), а позднее к полноценному использованию его в исторических реконструкциях (с 1980-х годов до наших дней).

Причиной реабилитации «Повести...» являются результаты археологических раскопок Л. П. Гуссаковского (1956–1960 гг.) и автора этих строк (1979–1990 гг.), подтвердивших как ранние датировки (вторая половина XII — начало XIII в.), так и некоторые детали, уточняющие особенности возникновения этих объектов³. Именно археологические источники стали основой для реконструкции прошлого Вятской земли, в том числе и военного дела⁴.

Сама логика формирования вятской государственности диктовала во многом ее военизированный характер. Одна из основных причин этого — значительная удаленность региона от метрополии, побуждавшая вятчан обеспечивать безопасность во враждебном окружении практически в одиночку. Об этом говорит и устройство исполнительной власти, впервые зафиксированное в грамоте митрополита Ионы на Вятку (около 1452 г.): «От Ионы, митрополита Киевского и Всея Руси, на Вятку и в всю Вятскую землю, воеводам земьским Якову Пугвину и Оникею и Юрью Алексеевым Мышкина, и всем ватаманом, и подвойским, и бояром, и купцем, и житьим людем, и всему нарицающемуся именем християнству тамошни земля...»⁵ Как мы видим, на первом месте фигурируют три земских воеводы, которые на Руси обычно возглавляли народные ополчения и не были выходцами из княжеской среды⁶. Тот факт, что во всей Руси только на Вятке земские воеводы возглавили исполнительную власть, говорит, во-первых, об архаичности последней, во-вторых, о приоритете в ней военной элиты, в-третьих, об уникальности вятской государственности. Архаичность государственной власти на Вятке объясняется природой ее оформления: согласно «Повести о стране Вятской» она является результатом соглашения двух общин — Никулицына и Котельнича⁷. Позднее функции первого перенимает Хлынов, а затем появляется еще один центр — Орлов, отпочковавшийся, возможно, от Котельнича, который, в свою очередь, вбирает в себя вы-

деленные археологически Пижемскую (Кокшаров) и Лебяжско-Уржумскую общины⁸. Еще А. А. Спицын полагал, что земские воеводы возглавляли три города — Вятку, Котельнич и Орлов⁹. Есть основания считать, что существовала практика перехода старшинства от воеводы к воеводе, однако постепенно сложилось первенство хлыновского руководителя¹⁰. Происхождение земских воевод изучено слабо, но предполагаются боярские их корни, хотя и само происхождение боярства на Руси остается предметом дискуссий. Думается, что формирование вятских бояр связано во многом со слиянием русской общинной верхушки с местной племенной знатью¹¹. Помимо упомянутых выше в грамоте 1452 г. Пугвина и братьев Мышкиных в источниках упоминаются и другие военачальники из числа земских воевод: Семен Жадовский, Михаил Рассохин, Дятел, Костя Юрьев и, по-видимому, казненные в 1489 г. после взятия Вятки Иван Аникиев (Оникеев), Полк (Павел) Богодайшиков и Пахомий Лазарев¹².

На более низкой ступени вятской служилой иерархии располагались ватаманы, судя по источникам — профессиональные военные, осуществлявшие командные функции различного характера — от охранных и промысловых до сугубо военных¹³ (в частности, командование крупными подразделениями ополчения, крепостями и т. п.). Обязанности третьей категории вятских чиновников — подвойских — охватывали многообразную административную и судебную сферы¹⁴.

Столь разительное отличие вятской государственности от таковой в Новгороде и Пскове действительно объясняется, по-видимому, ее военизированным устройством. Неспроста источники особо выделяют умелую тактику и успехи вятских воинов. Во время многочисленных военных походов и сражений у вятчан сложились свои боевые традиции. Для тактики вятских воинов характерны были внезапность и стремительность натиска, хитрость и изворотливость и даже наглость в операциях (вспомним пленение ярославского князя А. Ф. Брюхатого в 1436 г. и вогульского князя Асыки в 1467 г., беспрецедентный поход Кости Юрьева на Сарай в 1471 г.), оптимальное использование скоростных качеств своего речного флота — ушкуев¹⁵. Боевые достоинства вятских подразделений использовались и после потери Вяткой независимости (1489 г.), например, во время похода 1499 г. в Югру, при покорении Казанского и Астраханского ханств и в период «черемисских войн».

Важным дополнением к письменным источникам являются археологические данные. Именно они позволяют детально рассмотреть особенности оборонительного зодчества Вятской земли — важ-

нейшей составляющей военного дела вятчан¹⁶. Известно три типа городищ — мысовые, усложненно-мысовые и овальные. Мысовые городища — наиболее древний тип, обычно использовавшийся и в до-русский период (Кривоборское, Чижевское, Вятское, Подрельское II, Тороповское, Шабалинское, Ковровское, Пижемское, Лебяжское). Более крупные из них (6–40 тыс. кв.м.) превращались в детинцы городов (Хлынов, Котельнич, Орлов, Слободской, Шестаков, возможно, Никулицын)¹⁷. Усложненно-мысовые городища объединяют памятники конца XV–XVII вв. и имеют прямоугольную или многоугольную конфигурацию, большую площадь и усложненную систему укреплений (это города в границах посадов)¹⁸. Овальные городища расположены на холмах и защищены круговыми укреплениями и эскарпом по склонам (Подчуршино)¹⁹. Прорезка укреплений производилась только в Хлынове (кремль и посад), Слободском и Коврово, а участки боковых стен зафиксированы на Подчуршинском, Подрельском II, Шабалинском, Ковровском и Котельническом городищах.

Крепостные укрепления исключительно деревоземляные. Наиболее архаичные укрепления выявлены на Ковровском городище, где первоначально вдоль края площадки и на месте вала были сооружены частоколы. Затем на месте последних возвели срубные стены: в общую бревенчатую стену врубались перегородки, делившие сооружение на клетки длиной до 5,5 м, шириной 1,5–4 м, использовавшиеся под хозяйственные и жилые помещения²⁰. Следы аналогичных стен зафиксированы в Подчуршино²¹ и Шабалино. Близкими по конструкции были кремлевские сооружения Хлынова и, по-видимому, Слободского, фрагменты которых выявлены под насыпями более поздних валов. Однако, судя по описанию хлыновских укреплений в «Повести о стране Вятской», их можно реконструировать не в виде единой стены с отсеками, а как вплотную поставленные друг к другу срубы, использовавшиеся также под жилье (фрагмент такого сруба выявлен автором в 1983 г.). Вероятно, с XV в. распространяется практика возведения укреплений в виде срубов, забутованных глиной (Хлынов, Котельнич, Подрелье II) или земляных валов, закрепленных изнутри жердями (Слободской и, возможно, Коврово). Удалось зафиксировать вероятные очертания башен в виде нескольких ям с отапливаемым нижним этажом (Котельнич, Подрелье II), либо без признаков отапливания (Коврово). Выявление оборонительных клеток свидетельствует о живучести домонгольских традиций крепостного зодчества и о связях с Южной Русью.

За полувековой период интенсивных раскопок археологам удалось собрать коллекцию из 220 единиц вооружения XII–XV вв. Из

наступательных видов преобладали железные наконечники стрел (130 экз.): 19 типов плоских (два типа втульчатых — 2 экз. и 17 типов черешковых — 102 экз.) и девять типов граненых (24 экз.), в том числе один арбалетный. Обнаружены детали колчанов — крючки, костяные накладки, железная обкладка. Отметим наконечники копий (5 экз.) и втоки (2 экз.), а также кистени (4 экз.), боевой топор и обушок топора-чекана, обойму от сабельных ножен, навершие меча, фрагмент клинка от палаша, детали ножен для ножей (7 экз.). Защитное вооружение представлено колечками кольчуг (5 экз.), фрагментами пластинчатого доспеха (24 экз.) и умбоном от щита (?). Снаряжение всадника и боевого коня представлено шпорами (5 экз. и одно колесико), стременами, удилами и ледоходными шипами (по 3 экз.), конской подковой, налобными конскими бляхами (2 экз.), сбруйными пряжками (40 экз.) и накладками. В целом, в коллекции вооружения преобладают предметы общерусских типов, но имеются отдельные экземпляры, явно связанные с северно- или южнорусскими комплексами, либо с местными прикамскими традициями. Позднее, в XVI–XVII вв., появляются атрибуты огнестрельного оружия — свинцовые пули, пищальные кремни и железные ядра.

Таким образом, военное дело вятчан периода независимости, являясь частью древнерусского военного искусства, имело все же свои особенности, обусловленные историко-географической и политической спецификой. Военизированный характер устройства Вятской земли, в сравнении с другими территориями Древней Руси, выделяется особо зримо, приближаясь по своим особенностям к такому (правда, более позднему) явлению как казачество²².

¹ Низов В. Вятка в борьбе за политическую самостоятельность // Вятка: Краеведческий сборник. Вып. IX. Киров, 1991. С. 93–119.

² Низов В. В. 1) О вятском летописании XV в. // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобриня. М., 1992. С. 137–140; 2) Хлынов: рождение города // Европейский север в культурно-историческом процессе: (К 625-летию города Кирова): Материалы международной конференции. Киров, 1999. С. 6–31.

³ Макаров Л. Д. 1) Литературные и летописные произведения Вятской земли XVI–XVIII вв. как исторический источник // История, историография, источниковедение Удмуртии. Ижевск, 1992. С. 60–77; 2) Древнерусское население Прикамья: Археологический комментарий к письменным источникам // Гуманитарное знание на пороге XXI века. Ижевск, 1997. С. 129–131, 310–311; 3) О значении археологических источников в решении проблем древнерусской колонизации Прикамья // Сучасні проблеми археології. Київ, 2002. С. 136–138; 4) Комплексное использование письменных и археологических источников — путь решения проблем русской колонизации Прикамья // Историк и его дело: Межвуз. сб. науч. статей, посвященный 85-летию со дня рождения профессора В. Е. Майера (1918–1985). Ижевск, 2003. С. 316–320.

⁴ *Макиров Л. Д.* 1) Оборонительные укрепления древнерусских городищ Вятской земли (XII–XVII вв.) // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. М., 1987. С. 155–156; 2) Военное дело вятчан в XII–XV вв. // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе: Материалы Международной конференции. СПб., 1998. С. 216–219.

⁵ Послание митрополита Ионы Вятским воеводам и всем жителям... (писано около 1452 г.) // Труды ВУАК 1906 г. Вятка, 1906. Вып. 1–2. Отд. 3. С. 31.

⁶ *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 209; *Майоров А. В.* Воевода и земская община Древней Руси в XI — начале XIII в. // Исторический опыт русского народа и современность: Мавродинские чтения. СПб., 1994. С. 39–43.

⁷ Повесть о стране Вятской (Вятский Летописец) // Труды ВУАК 1905 г. Вятка, 1905. Вып. III. Отд. II. С. 32–34.

⁸ *Макаров Л. Д.* 1) Формирование территории Вятской земли в XII–XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 142–146; 2) О зарождении государственности на Вятке (XIII–XV вв.) // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика: Материалы Всерос. научно-практич. конференции. Ижевск, 2001. С. 59–69; 3) Сельское население Вятской земли в конце XII–XV вв. // Государство и общество: История. Экономика. Политика. Право: Рос. науч. междисц. журн. СПб.; Ижевск, 2002. № 1. С. 216–218.

⁹ *Спицын А. А.* Местное и областное управление на Вятке до XVIII в. // КВГ на 1889 год. Вятка, 1888. С. 167.

¹⁰ *Низов В. В.* 1) К вопросу о социальной организации «Земли Вятской» в XIV–XV веках // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 500-летию вхождения в состав Российского государства): Тез. докл. Киров, 1989. С. 19–20; 2) Вятские наместники в первой половине XVI в. // Вятская земля в прошлом и настоящем: (К 125-летию со дня рождения П. Н. Луппова): Тез. докл. Киров, 1992. Т. 1. С. 55.

¹¹ *Макаров Л. Д.* 1) Государственное устройство Вятской земли в XIII–XV вв. (К постановке проблемы) // Актуальные проблемы дореволюционной отечественной истории: материалы науч. конференции. Ижевск, 1993. С. 59–60; 2) О сословной структуре населения Вятской земли до конца XV в.: (К постановке проблемы) // Сословия и государственная власть в России. XV — середине XIX в.: Междунар. конференция — чтения памяти акад. Л. В. Черепнина. М., 1994. Ч. 1. С. 306–312.

¹² ПСРЛ. СПб., 1897. Т. 2. С. 234; Т. 6. С. 193; Т. 24. С. 191; Т. 23. С. 149; Т. 37. С. 97.

¹³ *Макаров Л. Д.* Государственное устройство... С. 59–60.

¹⁴ *Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодалная война в России XV в. М., 1991. С. 191; *Низов В. В.* К вопросу... С. 20; Очерки истории Кировской области. Киров, 1972. С. 48.

¹⁵ *Захаров Д. М.* Ушкуй-байдара средневековья // По родному краю: Сб. краеведческих материалов. Киров, 1991. С. 111.

¹⁶ *Макаров Л. Д.* 1) Оборонительные укрепления...; 2) Военное дело вятчан... С. 217, 219.

¹⁷ *Макаров Л. Д.* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск, 2001. Рис. 27.

¹⁸ Там же. Рис. 30.

¹⁹ Там же. Рис. 38, 39.

²⁰ *Макаров Л. Д.* Ремесленные мастерские Вятской земли XII–XVII вв. // Древние ремесленники Приуралья: Материалы Всерос. науч. конференции. Ижевск, 2001. С. 187–188. Рис. 5.

²¹ *Макаров Л. Д.* Древнерусское население... Рис. 39-Б.

²² Дворниченко А. Ю. О ранних казачьих сообществах // Исторический опыт русского народа и современность: Мавродинские чтения. СПб., 1994. С. 107–110.

Игорь Анатольевич Гагин

(Академия права и управления Министерства юстиции РФ)

Булгаро-монгольские войны первой половины XIII в.

(по материалам персидских и арабских нарративных источников)

Если мы начнем изучение историографии монголо-булгарской войны, ознаменовавшей собой начало покорения монголами Восточной Европы, то увидим, что этому драматическому событию посвящали страницы своих сочинений многие видные отечественные и зарубежные историки¹. Большинство из них убежденно считали, а некоторые и сейчас считают², что Волжская Булгария почти не сопротивлялась монголам и под их ударом буквально развалилась. Лишь немногие пришли к выводу, что события реальной истории были более сложными. Татарские булгароведы А. Х. Халиков и И. Х. Халлиулин уверены, что война началась после всемонгольского курилтая 1229 г. и завершилась осенью 1237 г.³ Они приводят очень веские доказательства, связанные с данными современной археологической науки. Л. Н. Гумилев говорит как минимум о четырнадцатилетней войне, подразумевая под ее началом 1223 г., когда монголы впервые напали на Волжскую Булгарию и впервые потерпели сокрушительное поражение⁴. В любом случае — это была не молниеносная война.

Булгары, осведомленные через купцов и лазутчиков о происходящем в Средней Азии, начали усиленно готовиться к будущему нападению монголов, которые к 1221 г. уже завершили завоевание государства Хорезмшахов⁵. То, что булгары действительно готовились к нападению и ждали противника, доказывает успешное отражение ими и разгром монгольских отрядов Субудей-багатура, совершившего рейд к Волжской Булгарии после сокрушительного разгрома русско-половецких войск.

Арабский историк Ибн-ал-Асир пишет, что после битвы на реке Калке «...татары направились в Булгар в конце 620 года (1223 г. — *И. Г.*). Когда жители Булгара узнали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады; выступили против них (татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они